

Родной язык: чужой среди своих, иной среди других

Сегодня, когда в нашей жизни так много трудностей, козлом отпущения нередко становится язык. Можем не думать о том, почему хромает экономика, почему нет денег в бюджете, почему у нашей молодой страны появляются враги. Ведь мы не экономисты и не политологи, не эксперты и ничего не знаем об этом наверняка. А вот поговорить об «ужасах» языковой политики в Украине мы всегда готовы, и у каждого по этому поводу найдется собственное и, наверняка, компетентное мнение.

В разговорах и дискуссиях о проблемах языкового существования в Украине проявляется глубокое противоречие между личным отношением к родному языку и социально-идеологическим решением этой проблемы. С одной стороны, мы видим, что личное отношение к языку, будь он украинским или русским, основывается на восприятии его как ценности – культурной, национальной, исторической. С другой, – проблема сосуществования двух генетически и исторически родственных языков проецируется на глубинное противопоставление «своего» и «чужого», в котором «чужое» неизбежно оценивается негативно.

В то же время ценностное отношение к языку – это отношение любви. Оно универсально: либо мы любим язык как таковой, либо к нему равнодушны. Любовь к языку побуждает нас видеть в нем не просто средство общения, но самостоятельную ценность. В любви к языку исчезает противопоставление «своего» и «чужого» и возникает продуктивное соотношение «известного» и «нового»: еще один язык – еще один новый взгляд на мир, еще одна новая, проживаемая в языке жизнь. В отказе от изучения украинского или русского языка проявляется обывательское

равнодушие к знанию и культуре как таковым. Обывательское сознание проявляет себя в отношении к другому языку как «чужому», оно с готовностью приклеивает презрительные или пренебрежительные ярлыки: «мова», «имперский язык» и т.п.. Все это усиливает напряженность культурного сосуществования, которое по своей природе исключает равнодушное или пренебрежительное отношение к чему-либо.

Необходимость спокойного разговора о сосуществовании русского и украинского языков назрела давно, и такой разговор исключает, как видим, любую оценочность. Ведь оценка «погружена в контекст мнения», она всегда субъективна, таит в себе неразрешаемые эмоциональные конфликты, а главное, – блокирует мысль. В разговоре о сложившейся языковой ситуации мы можем избежать оценки, используя понятие «Иного». Русский язык в отношении к украинскому (или же украинский в отношении к русскому) – это *иной язык*. Попробуем проверить это положение на стереотипных определениях русского языка как «*великого и могучего*» и украинского языка – в качестве «*солов'їної мови*». За этими широко известными определениями, безусловно, стоят и культурно-идеологические мифы, и разные способы осмысления родного языка.

Высказывание И. С. Тургенева о «великом и могучем» русском языке отражает самоощущение русского писателя «*в минуты сомнений и тягостных раздумий о судьбах <...> Родины*», в которых один только язык остается «*надеждой и опорой*» для человека, живущего за рубежом. Эти оторвавшиеся от оригинала слова тиражируются и встраиваются как клише в державную словесность, в которой и Россия, и русский язык равно оказываются «великими и могучими». В результате изменяется содержательный и эмоциональный план высказывания, что и показывают недоброжелательные реакции на это определение. И все же обратим внимание на то, что русские люди в оценочном определении собственного языка используют слово писателя, прочно связывая язык с культурой.

По-иному размыкается образное определение украинского языка. В образе «*солов'їної мови*» – другие смыслы: соловей высвистывает мелодии природы, ее музыку, а язык оказывается в этом контексте ее органической формой. Как видим, в образном осмыслении языка украинцами проявляется ощущение органической связи языка с природой (Не с этой ли особенностью связаны наивные попытки некоторых «деятелей от науки» утвердить представление об особой «первородности» украинского языка?). В контексте этого скромного сопоставления возможен такой вывод: если мы хотим понять, что мы приобретаем или теряем, изучая язык или отказываясь от такой возможности, мы должны *думать* о языке, а не *оценивать* его. Попытаемся использовать уникальную возможность подумать о русском и украинском языках, которую дает нам сложившаяся ситуация.

Каждый, кто сталкивался с переводом русскоязычного текста на украинский язык, замечал, что украинский перевод по объему меньше русского оригинала. Великий русский поэт и философ Ф. И. Тютчев писал: "*Как сердцу высказать себя, / Другому как понять тебя? / Поймет ли он, чем ты живешь? / Мысль изреченная есть ложь*". За этими мудрыми словами стоит понимание относительности любого восприятия слова и ограниченных возможностей слова в выражении смысла. В русской словесности эта особенность отношения к слову проявляется в способах оформления мысли: вариациях одного и того же содержания, разнообразных уточнениях, вставках, комментариях к различным значениям. Это, с одной стороны, повышает значимость роли человека в выражении мысли, с другой, – увеличивает меру относительности высказываемого. Как следствие, речь становится многословной, выразительной и пространственно протяженной.

Органика украинской словесности иная. Украинское языковое сознание неоднозначно – оно и прагматично, и поэтично, в силу чего стремится к более лаконичным формам выражения. Украинский текст избегает протяженных конструкций. Длина высказывания как бы соразмерна дыханию, которого должно хватить на то, чтобы произнести продуманное или написанное.

Человек, говорящий или пишущий на украинском языке, либо устраняется перед содержанием, либо выражает себя прямо и не прячется за вставками и вводными конструкциями. Он более активен, категоричен, однозначен и менее ориентирован на «Другого». Это отражается даже в моделях слов. Если мы сравним русское слово *событие* (*со-бытие*) и его украинский эквивалент *подія* (*по-дія*), то без труда обнаружим различие в языковых способах представления смысла. В русском языке «событийность» жизни осознается в приобщенности (совместности) происшедшего к «целому» – бытию, миру в широком смысле этого слова. В украинском языке она связана с действием, начавшимся или закончившимся, но неизбежно предполагающим активность человека. Какие выводы мы можем сделать из этого сравнения? – Перед нами отличные друг от друга способы языкового осмысления мира.

В современной ситуации мы сталкиваемся с социальным и культурным напряжением перехода на использование украинского языка в разных сферах жизни. Не исключено, что мы можем определить те сферы общения, в которых этот переход является наименее болезненным. Там, где значимость человека как носителя языка сведена к минимуму или же вообще не востребована, переход на украинский язык менее всего затрагивает возможности выражения смысла. К числу таких сфер можно отнести делопроизводство и те сферы, в которых язык выполняет сугубо информативную, а не смыслообразующую роль. Переход на украинский язык в сфере государственного управления менее всего затрагивает особенности языкового сознания, хотя сам по себе этот процесс предполагает освоение нового словаря. За протестами против использования украинского языка в сфере делопроизводства можно усмотреть лишь банальную лень или же примитивное политиканство.

Посмотрим, к каким последствиям может привести переход на украинский язык там, где особую роль играет выразительность речи. О том или ином человеке можно сказать, что он *недостаточно энергичен*, либо – в нем *мало жизни*, а в отдельных случаях можно назвать его даже *живым трупом*. Наверняка, последний, образный способ выражения мысли будет

наиболее выразительным, он же несет в себе самое большое содержание. Выразительность языка особенно востребована в тех сферах, где способ выражения направлен на сознание человека (в политике, СМИ, образовании), и там, где язык позволяет творить мир по образу и подобию человека (в искусстве), либо – человека по образу им же сотворенного мира (в рекламе). Именно в этих областях люди предпочитают использовать тот язык, который в наибольшей мере соответствует сложившемуся способу мысли.

Известно, что законодательство Украины определяет в качестве языка рекламы только украинский. Зарубежная реклама, в том числе и российская, переводится на украинский язык. И здесь начинаются проблемы, ведь современный рекламный текст ориентирован не столько на информацию о товаре, сколько на собственную выразительность. Рекламный образ – вот то, что должна донести своему потребителю реклама. Именно рекламный образ призван сделать сообщение об эфемерных, а нередко и сомнительных свойствах товара привлекательным и предельно достоверным. Не случайно, в качестве гарантов качества товара в телевизионной рекламе появляются «звезды» кино и спорта. Эффект использования украинского языка в рекламе и ее перевода на этот язык оказывается различным. Украинский язык братьев Кличко усиливает выразительность рекламы, а Елена Яковлева, рекламирующая моющие средства чужим голосом на украинском языке, выглядит, по крайней мере, странно. Обаяние этой актрисы таится в ее голосе, его грудном тембре, неуловимых оттенках интонации. Чужой голос и украинская речь разрушают единство образа и лишают рекламный прием смысла. Нелепость затеи рикошетом бьет по украинскому языку, лишая его эстетической привлекательности. В равной мере это относится к дублированию российских фильмов на украинский язык. Перевод фильма оправдывает себя только в том случае, если человек не знает языка оригинала. В ситуации безусловной понятности русской речи подобный перевод разрушает эстетическую целостность произведения искусства, пусть даже и

массового. Ответственность же за неудачное решение коммуникативной задачи вновь возлагается на украинский язык.

На каком языке лучше читать поэзию? – Филологи утверждают, что на языке автора. Говорят, что Пушкин в переводе на другие языки звучит банально. Шекспира рекомендуют читать на английском, а И. Франко – на украинском, потому как в поэтическое содержание реализует себя в прямых отношениях поэта и читателя наиболее органично. Если мы не знаем языка оригинала, то на помощь приходит перевод. Здесь важно его качество, что во многом зависит от возможностей переводчика: глубины знания иностранного языка, чувства родного языка и понимания потребностей читателя. И. Котляревский не случайно перевел на украинский язык «Энеиду» Гомера в стиле пародии. Почему он избрал такой путь? Возможно, потому что в украинском языке того времени не было высокого стиля, которого требует героический эпос. Возможно, в обществе того же времени не было потребности в таком эпосе. Зато в украинском языке были и остаются живые энергии юмора, смеха, которые как нельзя лучше проявляются в комических жанрах, что и показывает этот перевод. Такие переводы используют в школьном образовании. Но в школьном образовании не менее значимым является культурный кругозор, расширение которого невозможно без знания разных языков.

Сегодня своеобразной школой образования становится телевидение, которое ругают все, кому не лень. С телевизионных экранов на украинского зрителя льется состряпанный «на потоке» перевод фильмов на украинский язык. Остается сожалеть, что не востребованный жизненно перевод не приобщает зрителя к украинскому языку, а разобщает с ним. Жаль в этом случае и государственных денег, которые отведены на культурную адаптацию украинского языка. Потратить бы их на бесплатные курсы украинского языка, консультационные пункты, дешевые карманные словари, дешевые украинские книги, радио- и телевизионные языковые программы и многое другое, что помогло бы людям приумножить знания и расширить свой языковой опыт. Для

этого нужно еще ценить и человека как такового, ведь только в единстве «человеческого», «личностного» и «языкового» осуществляет себя культура.

Читатель может задаться вопросом, о чем это автор? Автор может ответить: о том, что серьезнейшие вопросы языковой политики идеологически не разрешаются. Как только идеология начинает довлеть над языком и человеком как его носителем, мы возвращаемся в наше тоталитарное прошлое. Без любви к человеку, без ощущения ценности человеческой личности мы останемся обращенными назад и лишим свою страну будущего. С этим обстоятельством связан еще один гордиев узел нашей «языковой политики», в рамках которой к 2010 году все вузы должны перейти на преподавание на украинском языке.

В высшем учебном заведении, как, впрочем, и в школе, важна личность человека, которая реализует себя в единстве языка и мысли. В современном вузе не столь важным оказывается обучение поиску информации (*нажми «Google»!*), сколько обучение способу деятельности. Что важнее в этом случае, – установка на повторение, стереотип (*делай, как я*) или же – на мысль (*что нужно, чтобы сделать так же и что нужно, чтобы сделать по-иному?*)? Во всех областях знания важна творческая составляющая мысли, именно она предполагает свободу выражения, в том числе и языковую. Изучение языков требует времени, труда, а с некоторых пор и немалых средств. Ситуация, в которой человек не станет активно использовать язык, данный ему с рождения, на котором говорят вокруг, пишут книги, публикуют научную информацию, кажется нелепой. Какие чувства может испытывать человек, если здесь и сейчас такую возможность ограничивают? Тем более, если предметом обучения является сама мысль, без которой нет ни науки, ни культуры, ни философии. Здесь личность человека, и того, кто учит, и того, кто учится, особенно важна, как и язык, чувство которого помогает человеку не только выражать готовые смыслы, но и формировать новые.

Новое не вырастает на пустом месте, оно неизбежно сосуществует со старым. Новым в нашем случае оказывается не язык, а та роль, в которой он

выступает. Сколько лет нужно украинскому языку для полноценного выполнения новой роли? Поживем – увидим. Дуб растет медленно, но живет долго. Лучшую древесину, из которой делают корабельные доски, дуб дает в возрасте 80 — 150 лет. Так и язык: он требует терпения, любовного взращивания и культурной почвы. Без всего этого мы не сможем получить желаемого – ни полноценной жизни украинского языка, ни его культурного и государственного будущего. Стоит ли в таком случае торопиться?

И стоит ли делать козлом отпущения грехов торопливой политики родной для людей язык?